

СЛОВАРЬ В.И. ДАЛЯ В СВЕТЕ ТИПОЛОГИИ СЛОВАРЕЙ

И.А. Бодуэн де Куртене, быть может самый внимательный читатель "Толкового словаря живого великорусского языка" В.И. Даля, много лет потративший на его пополнение и редактирование, так писал об этом словаре: "Есть, правда, у других народов словари, превышающие словарь Даля совершенством отделки, богатством историко-литературного материала и т.д.; но трудно найти другой словарь, совмещающий в себе столько материала, почерпнутого одним только лицом из живого разговорного языка известного народа. Словарь Даля является не только одною из самых богатых сокровищниц речи человеческой, но кроме того сборником материалов для исследования и определения народного склада ума, для определения миросозерцания русского народа. Чего только стоит одно обилие сочных и метких изречений и пословиц! Когда при чтении утомительной корректуры мне приходилось перечитывать набранные курсивом примеры, чувство скуки и недовольства сменялось просто наслаждением, — я отдыхал и освежался" [Бодуэн де Куртене 1994: XI].

Притягательная сила словаря Даля заключается не только в замечательных примерах, но во всем его материале, в его структуре, в его манере беседовать с читателем.

В типологическом плане этот словарь занимает особое место среди других словарей. Представляет интерес уточнить, в чем состоит это своеобразие. Что касается типологии словарей, то целесообразно различать общий тип словаря и частную типологию решений определенной лексикографической задачи (например, отражение фонетики и грамматики в словаре, характер примеров, толкований, соотношение в нем синхронии и диахронии, представленность в нем системных отношений в лексике, экстралингвистического материала и т.п.). В каждом случае следует различать, что отражено в словаре и как это отражено, то есть содержание и способ представления, метаязык и дискурс словаря. Даль сам говорил, что его словарь не соответствует требованиям науки о словарях. Дело в том, что словарь его появился, когда эта наука не была еще глубоко разработана, типология словарей еще не была составлена, авторам давалось больше свободы для проявления индивидуальности. Можно сказать, что в наши дни словарь, подобный далевскому, вряд ли бы мог появиться, его тотчас бы "засушили" под предлогом унификации и т.п. Может быть, многие привлекательные черты словаря Даля связаны с тем, что он делался одним человеком вне каких-либо внешних установок по тем канонам, какие он сам себе поставил. Здесь уместно вспомнить Пушкина, который говорил, что писатель подчиняется тем законам, которые он сам себе устанавливает.

Существует множество разных типологий словарей, появились даже работы, касающиеся типологии типологий словарей. Мы обратимся к типологии Л.В. Щербы, которая была по-видимому первой типологией словарей (в 1939 г., тогда как типологии Малкиеля, Себеока и другие появились много позже). Типология словарей у Щербы [Щерба 1974: 265–304] включает шесть оппозиций (в его терминологии — противоположений).

Первая оппозиция: словарь академического типа (нормативный) — словарь-справочник. Словарь Даля не является специально нормативным, как это отме-

чает сам автор, поясняя, что он не производит отбора слов (исключения составляют излишние по его мнению иностранные заимствования, "галантерейные" слова типа *куфарка*, и obscene лексика). Также он оставляет в стороне "искусственные" языки всевозможные жаргоны, сжатый, но четкий очерк которых Даль дал в статье [Даль 1955а, 1: LXXXVI–LXXXVIII]. Автор также не дает никаких помет относительно сферы и стилистического уровня употребления слова, поскольку, как он отмечает, словарь рассчитан на русского читателя, знающего язык. Щерба квалифицирует словарь Даля как словарь-справочник [Щерба 1974: 275], мотивируя это также и тем, что в нем материал, свойственный всему языковому коллективу, объединяется с материалом, свойственным отдельным говорам.

Вторая оппозиция: энциклопедический словарь – общий словарь. Она проявляется в характере определений (научное *vs* обиходное, "наивное"), в наличии специальной терминологии в словарях энциклопедического типа. Хотя словарь Даля избегает научных определений, он содержит в себе многие элементы словаря энциклопедического характера: подробные описания различных орудий и устройств, пояснение разновидностей предмета, обозначаемого словом-леммой и др. Подробнее это будет рассмотрено ниже.

Третья оппозиция: тезаурус – обычный толковый словарь. Термин "тезаурус" используется в современной лингвистике в двух значениях. В первом значении тезаурусом называют полную сокровищницу слов данного языка, включающую галаксы, обильные примеры и речения, призванные возместить трудности определения значений слов. Разумеется, полный тезаурус можно создать только для мертвого языка. Другое понимание тезауруса, использованное английским лексикографом XIX в. Роджетом и широко распространившееся в настоящее время, имеет в виду организацию словаря, исходя из понятий. Щерба называет такой тип словаря идеологическим (мы вернемся к этому вопросу дальше). Словарь Даля безусловно является тезаурусом в первом понимании термина. По крайней мере, он стремился создать такой словарь. Даль старался ничего не пропустить, фиксировал все слова (в пределах установленных им для себя принципов отбора), включал областные варианты слов (с разными ударениями, например) и даже сомнительные лексемы, обозначая их знаком вопроса. Таким же знаком были отмечены толкования, в которых он сомневался. Не случайно, охватывая 200000 слов, словарь Даля является до сих пор самым большим по собранию слов из словарей русского языка. Кроме того, в нем имеется много "скрытых" слов, которые употребляются в толкованиях и примерах, но не выведены в отдельную лемму.

Четвертая оппозиция: обычный толковый словарь – идеологический словарь. Различие между ними заключается, как известно, в том, что обычный словарь следует от формы к содержанию – в семасиологическом плане, тогда как идеологический (иногда говорят идеографический или аналогический) словарь идет в обратном направлении – ономасиологическом – от выражаемых значений (понятий) – к словам, их выражающих. Словарь Даля, как мы увидим ниже, содержит большие фрагменты ономасиологического словаря. Они занимают такое большое место в словаре, что вообще словарь Даля можно считать комбинацией алфавитного и аналогического словаря. Из современных словарей он ближе всего в этом отношении к словарю типа Большой или Малый Робер, которые специально сочетают эти два лексикографических жанра в пределах одного словаря [PR 2000]. Можно отметить, что то, что было воспринято как новое слово в современной зарубежной лексикографии, было представлено уже полтора столетия тому назад в русской, хотя, быть может, и в менее разработанном виде.

Пятая оппозиция: толковый словарь – переводной словарь. Разумеется, словарь Даля толковый одноязычный. Но в лингвистике используется термин диглоссия для обозначения ситуации, когда в обществе используются два языковых образования с различным социальным статусом, в том числе литературный общенародный язык и диалекты или аргот. В этом плане словарь Даля, содержащий обильную диалектную, областную лексику, переводимую на обиходный русский язык, может

рассматриваться как своего рода частично переводной словарь. К словарям такого рода (диглоссным) в некоторых типологиях относят словари, толкующие средствами современного общеупотребительного языка лексику особых ареалов – временных (например, словари старого языка), территориальных (диалектные словари), социальных (словари арго и т.п.). Во многих случаях в словаре Даля обнаруживаются элементы переводного словаря (диалектные слова переводятся на общеобиходный русский язык).

Шестая оппозиция: исторический словарь – неисторический словарь. Исторический словарь призван, по мнению Щербы, давать историю слов на протяжении определенного отрезка времени. Он отличается от этимологического словаря, который показывает лишь происхождение слова, не раскрывая его развития во всех его значениях. Словарь Даля является в принципе синхронным, но он дает иногда интересные сведения об истории слов или истории обозначения данных понятий, то есть содержит вкрапления, характерные для исторического словаря.

Итак, резюмируя, можно сказать, что труд В.И. Даля представляет собой словарь композиционного типа. Будучи в основном алфавитным семасиологическим словарем-справочником тезаурусного характера, он является вместе с тем в своей значительной части ономазиологическим идеографическим словарем, содержит огромный материал энциклопедического характера, а также многочисленные комментарии исторического плана и может рассматриваться в своей значительной части как диглоссный русско-русский (областническо-литературный) словарь. Кроме того, в нем имеются большие фрагменты синонимического словаря. Мы рассмотрим теперь более подробно некоторые из частных лексикографических проблем этого словаря, остановившись, в особенности на способах представления системности лексики и на используемом в словаре лексикографическом дискурсе и метаязыке.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СИСТЕМНОСТИ ЛЕКСИКИ В СЛОВАРЕ

Связи между словами устанавливаются на уровне форм, на уровне содержания и на уровне форм и содержания одновременно. Отношения чисто формального плана проявляются в омонимии. Отношения омонимии случайны и носят более или менее системный характер, когда речь идет о грамматической омонимии, образующейся в силу конверсии, например, краткое прилагательное среднего рода → наречие или междометие (*трудно, здорово*). Даль омонимический отношений регулярно не показывает, хотя, разумеется, отмечает лексические омонимы в алфавите слов, например, **1. Брак** "супружество"; **2. Брак** "товар, оказавшийся негодным" (определение Даля). (В этом случае и далее примеры из словаря приводятся в современной орфографии.)

Системность на уровне формы и содержания отражается прежде всего в словообразовательных связях. Этому вопросу Даль уделял особое внимание, как известно гнездовой принцип он положил в основание организации своего словаря. Правда, заботясь об удобстве читателя, он принял паллиативное решение: приставочные слова следовали в своем алфавитном порядке. В конкретном исполнении этого принципа критики находили ряд недочетов. В одних случаях Даль неправомерно объединял в одно гнездо слова, относившиеся к различным гнездам, в других, напротив, разносил по разным статьям слова, принадлежавшие к одному гнезду. Например, непоследовательно решена в словаре проблема слов с полногласием и краткогласием. *Золото* и *лато* с их производными даются в общем гнезде, тогда как *город* и *град* с их дериватами – в раздельных. Бодуэн де Куртене выправил многие неточности разбиения по гнездам. Но в отдельных случаях с ним трудно согласиться. Например, у Даля слова *Аквармарин, Акварель, Аквариум, Акватинта, Акведук* составляли одно гнездо. редактор разбил их на пять. Почти все они представляют собой сложные слова. Словарь Даля предназначен был для широкого читателя. Русский читатель не знает, что такое взятые по отдельности *-рель* или *-риум*, он может не знать что значат *-тинта* или *-дук*, но самый знакомый для него – первый элемент этих слов – *акв(а)*

‘вода’. Так что Даль, на наш взгляд, поступил вполне допустимо. Однако паллиативное решение (вывод префиксальных слов из гнезда и их сохранение на алфавитном месте) нанесло некоторый ущерб и не позволило наглядно показать семантико-словообразовательную систему языка. Особенно это оказалось нежелательным для глаголов, поскольку глагольные префиксы, выражающие направление или способы действия, представляют собой большое выразительное богатство русского языка. Даль не мог не принимать этого во внимание и, в нарушение своего собственного принципа расположения, он во многих глаголах вводит особую рубрику, где петитом приводятся краткие примеры, иллюстрирующие префиксальную микросистему данного глагола, более подробно значения этих глаголов раскрываются на соответствующем месте алфавита. Например, в статье **Вязать** мы находим раздел, где в алфавитном порядке даются префигированные глаголы: *“Ввязывать поплавки в невод. Вывязать узор. Довязать чулок. Извязать все нитки. Навязать махалку. Надвязать шест. Обвязать голову. Отвяжи колокольчик. Повяжи платок. Подвяжи бороду. Перевяжи сноп. Привяжи хвост. Провяжи рядок. Развяжи узел. Поп связал, обвенчал. Увязывай кладь”*. Или при глаголе **Говорить**: *“Возговорить, в сказках, заговорить, начать. Этого не выговоришь”* и т.п., всего семнадцать приставочных глаголов. Эти примеры показывают, что Даль не был формалистом, он охотно шел на отступление от формального принципа, допуская в данном случае повтор материала, ради показа системности в языке, ради пользы читателя.

В.И. Даль обращал особое внимание на словообразовательные отношения. Так, в докладе “О русском словаре” он говорит: *“...я в словаре своем, не занимаясь корнями слов (то есть, собственно этимологией. – В.Г.), старался, однако же, указывать везде на взаимную связь...”* (то есть, на деривационные отношения. – В.Г.) [Даль 1953, I: XXXIV]. Он отмечает, например, что русские глаголы, особенно приставочные, дают непосредственно четыре отглагольных существительных: два среднего рода от глаголов несовершенного и совершенного вида, одно мужского и одно женского. Они соответственно выражают значения длительное, окончательное и общее (последние два): *посевать, посеять* → *посевание, посеяние, посев, посевка* [Даль 1955б, I: XXXIX]. Даль старается регулярно отмечать в словаре эти формы под соответствующими глаголами, даже если они не выведены в отдельные статьи. Он пользуется ими при объяснении других слов. Так, *ключ* определяется как “снаряд для *запирки* и *отпирки* замка”.

Системность на уровне содержания отражается в группировке слов, охватываемых иерархией “быть” и иерархией “иметь”. В первом случае мы имеем дело с семантическими полями Й. Трира, которые включают гиперонимы и гипонимы, когипонимы, в том числе векторные слова, синонимы, антонимы. Во втором – с семантическими полями В. Порцига, куда входят меронимы (части целого) и слова, связанные существенными семантическими отношениями: действие – деятель, место, орудие, результат действия и т.п.

Даль широко представляет синонимические отношения в языке. По степени расхождения в значении он различает *о д н о с л о в ы*, *т о ж д е с л о в ы* и *с о с л о в ы*. Определениям он часто предпочитает ряд синонимов. Например: **Обмануть**, *...лгать, словом или делом, вводить кого-либо в заблуждение, уверять в небыли, облыжничать, притворяться, принимать или подавать ложный вид; провести кого-либо, надуть, обмисулить, объехать на кривых; плутовать, мошенничать*. Здесь не забыты никакие разновидности обмана: обман словом и делом, словесный обман и коммерческий и т.п. **Оболтус** м. семинарс. Оболтень, оболдуй, оболдоха, повеса, невежа, шатун, лентяй, неотесанный, грубый и глупый”. Первые три слова представляют собой варианты леммы. Существует два основных типа словаря синонимов: объяснительный словарь и словарь-репертуар. (Примером последнего могут служить словари Абрамова или Александровой.) Словари-репертуары синонимы не поясняют совсем или уточняют очень рудиментарно, но они чрезвычайно полезны для носителей языка.

Синонимические перечни в пояснениях словаря Даля очень напоминают фрагменты такого синонимического словаря-репертуара. Иногда Даль уточняет значение приводимых им синонимов. Например, глагол **набавить** он объясняет с помощью синонимов *надбавить*, *добавить*, *прибавить*, антонимов *убавить*, *отбавить*, но при этом он объясняет различие между *на-* и *над-*.

Важнейшей особенностью словаря Даля является раскрытие системности слов, отражающей явления экстралингвистического мира. Здесь наиболее ярко прослеживается энциклопедическая направленность словаря. Основываясь по сути дела на упомянутых выше отношениях, Даль раскрывает разновидности, свойства, назначение предмета, его устройство, его соотношение с иными предметами. В связи с этим он описывает элементы народного быта, верований, поверья. Например, говоря о яйце Даль мимоходом сообщает народное поверье: **яйцо** "...Маленькое уродливое куриное *яйчко*, по суеверию петушье, из которого высиживается василиск: *выносок*, *спорышек*". Отметим, что фразу эту Даль включил в словарь не для того, чтобы рассказать об этом суеверии, но чтобы раскрыть значение слова *спорышек*. Эта постоянная связь лингвистического и экстралингвистического составляет особенность данного словаря. В приведенном определении Даль следует в активном, ономаσιологическом плане – от предмета к способу его обозначения (можно было бы и наоборот). Возьмем, например, статью: **Стуло, стул**, "...известная домашняя утварь, для одиночного сиденья, ... сиденье с прислоном, со спинкою; с *подлокотниками*, кресло; без *прислона*, скамейка и табурет, а в народе также *стул*". Гипероним (утварь для одиночного сиденья) связывается со словом *стул*, отдельно он не указан, но перечислены когипонимы, различающиеся по дополнительным деталям: *стул* – со спинкой, но без подлокотников, *кресло* – с тем и с другим, *табурет* (*скамейка*) без того и другого. Отмечается, что *стул* может употребляться в значении "табурет" (один когипоним употребляется вместо другого, приобретая значение гиперонима). Чрезвычайно характерна ономаσιологическая направленность: сначала указывается предмет с его признаками (они часто выделены курсивом), а затем уже дается слово-название этого предмета. Это сделано для максимального удобства читателя, который ищет название для соответствующего предмета (понятия). В словаре Le Petit Robert, Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française [PR 2000], специально объединяющем семасиологический и ономаσιологический подходы, при слове **chaise** "стул" приводятся только разновидности стула (плетеный, садовый и т.п.), но когипонимов не дается. Последние можно найти в статье **siège** "сиденье", обозначающей гипероним группы и там можно обнаружить гипонимы. в том числе *banc* "скамейка", *chaise* "стул", *tabouret* "табурет", но с отсылками, без пояснений. Такой прием более компактен, но менее удобен для читателя, так как ему приходится разыскивать нужное обозначение по другим статьям словаря.

Многие разработки такого рода у Даля представляют собой всестороннее описание предмета с целью показа слов, соотносительных с заглавным словом. Вот, например **"Гора** ж. общее название всякой земной возвышенности, противополог. *дол*, *раздол*, *долина*. лог. *низменность*; (а *плоскость*, *равнина*, отсутствие того и другого). Различают *подошву* или *под горы*, *верх* или *вершину*, и *склон*, *бок* или *угорье*, а относительно пролегающей по склону дороги: *косогор*, *косогорье*. Целая полоса или связь гор называется: *гряда*, *кряж*, *хребет*, *цепь*; развилина, *рассоха* горного хребта: *отрог*". Далее следует описание на полколонки, где толкуются такие слова как *скала*, *утес*. *обрыв*. *стена*. *вершина*. *плоскогорье*, *водораздел*, *сонка*, *холм*, *бугор*, *курган* и многие другие. Практически не оставлены в стороне никакие из логических отношений, связывающие понятия. Начинается статья с гиперонима ("всякая земная возвышенность"). затем указываются основные противопоставления (*впадина* и *равнина*), далее меронимические отношения (часть-целое) – части горы (*подошва*, *верх* и *склон*), и, наоборот, – объект, частью которого является сама гора (*гряда*, *хребет*) и, наконец, **целая** серия гипонимов – разновидности горы. В дальнейшем отмечаются метоними-

ческие и метафорические переносы. Хотя Даль нигде этого не заявлял открыто, его разработка охватывает все типы логических отношений между понятиями.

В случае необходимости Даль отмечает и векторные отношения между словами, то есть такие, которые связывают соотносительные слова, обозначающие противоположных участников одного явления. Например, "**Зять** м. дочернин муж; || сестрин муж; || золовкин муж". А дальше следуют наименования родственников уже "с точки зрения" зятя: родители жены мужу (зятю) *тесть* и *теща*; брат жены мужу ее (своему зятю) *шурин*, а сестра жены *своячина*; посему один и тот же человек приходится *зятем*: тестю, теще, шурину и своячине.

Статья **Масть** дает исчерпывающее описание мастей лошади, приводятся не только основные масти, но и разнообразные оттенки, излагается настоящая "грамматика" обозначения мастей. Не забыты специфические детали, такие как *навис* (*грива и хвост*) – он может быть иного оттенка; *ремень* – темная линия, проходящая по хребту; *отметины*: на лбу – *лысина*, маленькая – *звездочка*; показывается, как передаются наименования оттенков: сложными прилагательными – с *темно-*, *светло-*, *золотисто-*; выражениями: *в яблоках с подпалинами*, *в масле*, *с красниною* и т.д. Не забыты и клички по масти: *бурка*, *гнедко*, *каурка*, *сивка* и т.п.

В очень многих случаях интерпретация лексики идет параллельно со скрупулезным описанием народных обрядов и верований. Вот характерный пример: "**Обручение**, обычно составляет *третий* обрядливый вечер до свадьбы: первый, гласное сватовство, сговор или первый пропой; второй, рукобитье, зарученье, помолвка, второй пропой; третий, последний пропой, *обручение*; жених с родителями и нечетом родных, родные невесты, сват, сваха; священник читает молитвы (не везде), молодых благословляют и идет размен подарков". Это не просто описание народного обряда: лексикограф заботливо включает в него все соотносительные термины: *обручение*, *зарученье*, *сговор*, *пропой*, *рукобитье*, *помолвка* и др. Когда читаешь такие, казалось бы, обычные слова как *гора*, *сосна*, *веревка* и многие-многие другие, то видишь как за одним предметом предстает целый мир предметов и знание о мире необыкновенно расширяется. Благодаря объединению алфавитного словаря с идеографическим (аналогическим) читатель может найти нужное слово, забытое или неизвестное название предмета. Например, нам нужно вспомнить названия частей ключа или мы забыли наименование приспособления, которым жулики открывают чужие замки. В статье **Ключ** мы находим определение: "снаряд... состоящий из *головки* (кольца), *трубки* и *бородки*. Поддельный ключ, *отмычка*".

Словарь Даля не является историческим, но нередко он дает исторический комментарий к значениям слова или к предмету, обозначаемому данным словом. Например, в статье **Ключ** сообщается старинное значение "замежованные под одну межу земли, селения, волость, вотчина" и приводится древнерусская цитата: "*Заповеда Олег дати воем на 2 т. корабль по 12 гривен на ключ*". Далее следует предположение, что ладейная сила Олега делилась на ключи по волостям, откуда ладьи были выставлены. В статье **Стрела** отмечается, что "встарь различали стрелы *северши*, *срезки*, *томарки*, *тахту* и пр."

МЕТАЯЗЫК И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В СЛОВАРЕ ДАЛЯ

Специфику любого словаря составляет его метаязык, который характеризуется определенной лексикой, синтаксическими построениями. К этому искусственному специально разработанному словарю относятся разные сокращения, пометы, условные знаки и пр. Разумеется, в словаре Даля используются специфические металингвистические приемы и формулы. Отметим в качестве примера только то, что значение производного существительного или прилагательного Даль часто выражает придаточным

определяющим без соотносительного местоимения: **пеший**, "кто не едет, идет на своих ногах". В современных словарях в подобных случаях предпочитается структура с местоимением: **покоритель**, "тот, кто покорил или покоряет кого-л." [БТС]. Но гораздо более важную специфическую черту в словаре Даля представляет собой свойственный ему лексикографический дискурс. Французские лексикографы Ж. и К. Дюбуа считают, что лексикографический дискурс сроден педагогическому [Dubois 1971: 49–56]. Подобно автору учебника, лексикограф выступает как представитель обязательного коллективного знания. В словаре, как и в учебнике, речь автора деперсонализована. Пользователю ординарным словарем или стабильным учебником все равно, кто является его создателем. Этим лексикографический дискурс отличается от научного, которому свойственны изложение собственного взгляда, полемичность. Но вместе с тем авторы допускают и реперсонализацию лексикографического дискурса, введение личности автора в словарное высказывание. Такая персонализация словарного дискурса достигается идеологическими установками автора, которые проявляются в толковании ряда слов и в отборе примеров. Лексикографический дискурс Даля обладает большой спецификой. Страницу его словаря не спутаешь с другим словарем. Но создается эта специфика не бьющими в глаза идеологически направленными примерами, а самой его манерой вести разговор с читателем. Это отражается и в его метаязыке: автор не только сообщает лексический эквивалент в толковании, как это принято в большинстве словарей, но часто включает формулы типа (из статьи **Гора**): "Р а з л и ч а ю т *подошву* или *под горы*; Целая полоса н а з ы в а е т с я *гряда*; поперечные овраги по бокам водопуска... также н а з ы в а ю т с я *вершинами*; *горою на севере* н а з ы в а ю т также вообще землю, сушу. Даль как бы растолковывает слова читателю и его дискурс становится похожим на беседу учителя с учениками.

Мало того. Даль старается не объяснить слово с помощью абстрактных, иногда малопонятных определений, но показать слово так, чтобы у читателя оставалась потребность "додумать" самому, сделать вывод на основании подсказки. Это своеобразный эвристический прием, который активизирует читателя, побуждает его к участию в поиске решения, сделать самостоятельно вывод на основе "подсказок" и ассоциаций.

Даль часто использует этот прием для показа деривационных отношений. Например, в русском языке есть ряд слов, в которых, по примеру старославянского, начальное *б* корневой морфемы утрачивается при прибавлении префикса *об-*: *обод* ср. *обводит*. Подобное указание несомненно полезно для представления деривационной системности русского языка. Даль регулярно отмечает эти формы. Иногда в скобках дается прямой прототип: *обоз* (*об-воз*); в других случаях такое указание сочетается с примером, в котором используется полная форма корня: "**Обязать...** (*об-вязать*); *обяжу язву твою, црк. об(пере)вяжу*". Но значительно чаще форма с *в* появляется только в толкованиях и примерах. В этом случае толкуемое слово перекликается со словами в толкованиях и между ними устанавливается ассоциация, дающая разгадку к вопросу. При этом нередко Даль в качестве первого слова толкования берет то, которое ближе всего по форме к толкуемому слову, хотя и не самое употребительное. Например, "**Обладать** чем, владать, владеть..." (*владать* наиболее сходно с *обладать*). **Облако** определяется так: "туман в высоте, пары сгустившиеся в слоях мирокосицы (атмосферы). з а в о л а к и в а ю щ и й небо (разрядка наша. – В.Г.). Ассоциация между *облако* и *заволакивающий* наталкивает на мысль, что *облако* происходит от того же корня, что *обволакивать*. В гнезде **Обыкать**, **обыкнуть** пояснения "*при(на)выкать*, *взять привычку*" также подчеркивают другую форму того же корня. Этому способствуют и приводимые поговорки: "*На обык есть перевык*, *Был обык, а стал перевык*". то есть одна привычка может смениться другой. Подобный прием делает изданный специальный этимологический указание и более того, делает чтение словаря более интересным, так как "учитель" предлагает постоянно "ученику" малень-

кие задачки, которые тот решает, испытывая при этом удовлетворение и вместе с тем обостряя свое языковое чутье.

Этимология иногда дается эксплицитно, но и здесь Даль старается показать словообразовательные связи: "**Ветчинá** ж. (*ветишина́, от ветхий, пртвп. свежина́*)". Зачем Даль вводит здесь антонимию, ведь он делает это нерегулярно? Видимо для того, чтобы представить читателю деривационную пропорцию, помогающую понять модель словообразования: *свежий – свежина́: ветхий – ветчинá*.

В других случаях Даль вводит этимон в само определение слова. Например, "**Ключ** м. начально клюка́, крюк, которым запирается крестьянский дверной замок. Читатель естественно связывает слова *ключ* и *клюка*. Этимология слова *ключ* в значении "источник" неясна. Некоторые авторы видят здесь общее происхождение с *ключ* в первом значении [Фасмер 1986, II: 258]. Даль разделяет это мнение, но поясняет это так: "**Ключ** || Родник, водяная жила, источник, **отпиряющий** недра земли" (разрядка наша. – В.Г.). Ассоциация *ключ* – отпирать позволяет понять предлагаемое автором происхождение значения слова. Приведем еще один пример. Статья, содержащая слово *город*, начинается с глагола *городить* (Даль подчеркивал отглагольный характер русской деривационной системы) с его производными. И только в середине статьи обнаруживается лексема *город*, которая поясняется прежде всего как "городьба, ограда около жилья, населения, (...) селение, обнесенное городьбой", и только потом уже значит "|| Населенное место, признанное за *город*". Таким образом этимология слова *город* выводится прямо из *городить* без специальных пояснений.

Сходным приемом, ориентированным на активное сотрудничество читателя, пользуется Даль и при определении общих переносных значений слов. Вместо того, чтобы давать сначала общее вторичное значение слова, часто трудно формулируемое, но легко понимаемое, Даль группирует эти выражения так, что их общее значение выявляется "само собой", без труда для читателя. Подобно тому, как нынешние прилагательные *пустой, голый*, прилагательное *сухой* в старинном русском языке могло означать "лишенный существенного признака". Даль приводит ряд синтагм, в которых это прилагательное равнозначно *без-*, давая при этом пояснения: *сухая мачта* (*голая*, без парусов), *сухая беседа* (без угощения), *плясать под сухую* (без музыки), *сухая любовь* (платоническая) и др.

В заключение подчеркнем, что Даль в своем дискурсе постоянно объединял лингвистическое с нелингвистическим, думая при этом о максимальной пользе для читателя. Сравним для примера определение слова **Баба-яга** в разных словарях. ССРЛЯ в 20-ти томах дает такое определение: "В русских народных сказках – мифическое существо, злая и безобразная старуха-колдунья, передвигающаяся в ступе и заметающая след помелом" [ССРЛЯ I: 14]. Приводятся примеры, в которых это имя переносно используется для обозначения страшного вида женщины, злой, сварливой женщины и женщины, неопрятно одетой (цитата из Шуртакова: *При муже ...она ходит целый день бабой-ягой, чтобы потом перед посторонними, чужими людьми блистать королевой*). Эта цитата не оправдывается сделанными в словарной статье пояснениями. В словаре БТС: "В народных сказках: безобразная старуха-колдунья, передвигающаяся в ступе и заметающая след помелом (хозяйка леса, повелительница его обитателей, вещая старуха, страж входа в царство Смерти, живущая в дремучем лесу в избушке на курьих ногах). Разг. О злой сварливой женщине" [БТС 1998: 54]. Здесь есть полезное уточнение об избушке на курьих ножках, по некоторым деталям, данные в скобках, более уместны в мифологическом словаре. Происхождение метафоры в примере из Шуртакова не обосновывается. Обратимся к словарю Даля: "**Баба-яга**, сказочное страшилище, большуха над ведьмами, подручница сатаны; *Баба-яга костяная нога: в ступе едет, пестом погоняет (упирается), помелом след замечает; она простоволоса и в одной рубашке, без опояски; то и другое верх бесчиния*".

Это определение имеет два преимущества. Во-первых, признаки бабы-яги даны не от автора, а как цитаты из народных присказок. Таким образом, здесь Даль "убивает сразу двух зайцев": он дает характеристику объекта и при этом ходячие выражения, к нему относящиеся. Во-вторых, он перечисляет все признаки объекта, которые символизируются в переносных употреблении слова. Только Даль позволяет понять цитату из Шуртакова: ходить женщине в одной рубашке, без опояски без головного платка – верх бесчиния. Это – один из принципов далевской разработки семантики слова: связать переносные значения с признаками описываемого словом объекта.

В последнее время в одноязычных и в меньшей степени в двуязычных словарях заметна тенденция включать в словарь, иногда даже в виде отдельных вставок, помещаемых в корпус словаря в алфавитном порядке, разъяснения, касающиеся произношения, орфографии, грамматики и проч., так что словарь превращается в своего рода энциклопедию языка, что, конечно, повышает его значимость как справочного издания. Некоторые элементы такого подхода мы обнаруживаем и в словаре Даля. Прежде всего это касается произношения и орфографии. Например, при букве А он рассуждает о различии между аканием и оканьем, в отношении буквы Г он также говорит о трояком ее произношении: звонком, глухом и придыхательном (*Бог*) и предлагает для последнего ввести особый знак – г с точкой сверху. В вопросах орфографии Даль проявляет прогрессивные устремления. Отмечая, что написание *ять* вызывает путаницу, он считает, что "можно было бы остаться при одном е" [Даль 1994, 2: 1517]. Еще более решительно он высказывается относительно буквы ъ, считая, что ее можно было бы "откинуть" в конце слова, оставив только в середине, где она нужна для произношения. Большую познавательную и воспитательную роль в словаре выполняют примеры. Даль отказался от цитатных примеров, кроме некоторых, заимствованных из древних текстов. Некоторые цитатные примеры из классических писателей были добавлены Бодуэном де Куртене. Он использует примеры двух типов: собственные составительские для иллюстрации обычных употреблений слова и народные пословицы и речения, которые выполняют тройную задачу. Они показывают случаи употребления слова, часто в связи с устройством самой реалии, расширяют знание о языке, так как пословицы и готовые речения – часть языка, и раскрывают чувствования и мирозерцание народа. Широкое использование пословиц в виде иллюстраций – оригинальная черта словаря Даля. Само расположение пословиц внутри соответствующего раздела подчиняется определенной логике. Например, в статье **Горшок** сначала приводятся пословицы, отражающие свойства горшка (*Горшку с котлом не биться*), затем назначение (он служит для варки и хранения пищи: *Худ торжок, да не пуст горшок*), затем принадлежность горшка (и приготовления пищи) в семье к сфере женщины: *Не столько муж мешком, сколько жена горшком*, сберегает, приносит в дом. И в конце – сравнение горшка с человеком и его судьбой. Если авторские примеры раскрывают обычное употребление слова, то в пословицах и поговорках отражаются человеческие отношения, например, при слове **Обед**: *Кабы я ведал, где ты ноне обедал, знал бы я, чью ты песенку поешь. Про то дедушка не ведает, где внучек обедает. Не для того в гости едут, что нечего обедать. Обедай, да не объедай*. В подборе пословиц Даль показывает лучшие черты народа. Например, при слове **Сила** подчеркивается народное миролюбие: *Сила – уму могила. Сила – нелюбовь. Силой у Бога не вырвешь. Слово не совет, а сила не брань. Что силою взято, то не свято. И сила уму уступает*. И здесь проявляется особый далевский дискурс.

- Бодуэн де Куртене* 1994 – Предисловие к первому выпуску // Владимир Даль. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х томах. Т. 1. М., 1994.
- БТС – Большой Толковый словарь русского языка. СПб., 1998.
- Даль В.* 1995а – О наречиях русского языка // В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955.
- Даль В.* 1955б – О русском словаре // В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955.
- ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка: В 20-ти томах. М., 1991. Т. 1.
- Фасмер М.* 1986 – Этимологический словарь русского языка / Под ред. О.Н. Трубачева. Т. II. М., 1986.
- Щерба Л.В.* 1974 – Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
- Dubois* 1971 – Dubois J. et Cl. Introduction à la lexicographie: le dictionnaire. Paris, 1971.
- PR 2000 – Le Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Paris, 2000.